FOLIO 2
CC115
.U82
A72
1911

1007 17/70

Н. Н. Ардашевъ.

ГРАФЪ А. С. УВАРОВЪ,

КАКЪ

ТЕОРЕТИКЪ АРХЕОЛОГІИ.

РѢЧЬ,

произнесенная въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 29 декабря 1909 года, посвященномъ памяти графа, по случаю истекшаго 25-лѣтія со дня его кончины.

МОСКВА—1911

Фотот П. Павлова.

Граф Алексей Уваров

Н. Н. Ардашевъ.

Folio2
CC115
.U82
A72
1911

ГРАФЪ А. С. УВАРОВЪ,

КАКЪ

ТЕОРЕТИКЪ АРХЕОЛОГІИ.

РѢЧЬ,

произнесенная въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 29 декабря 1909 года, посвященномъ памяти графа, по случаю истекшаго 25-лѣтія со дня его кончины.

Graf A. S. Uvarov:
kak Teoretik Arkheologii

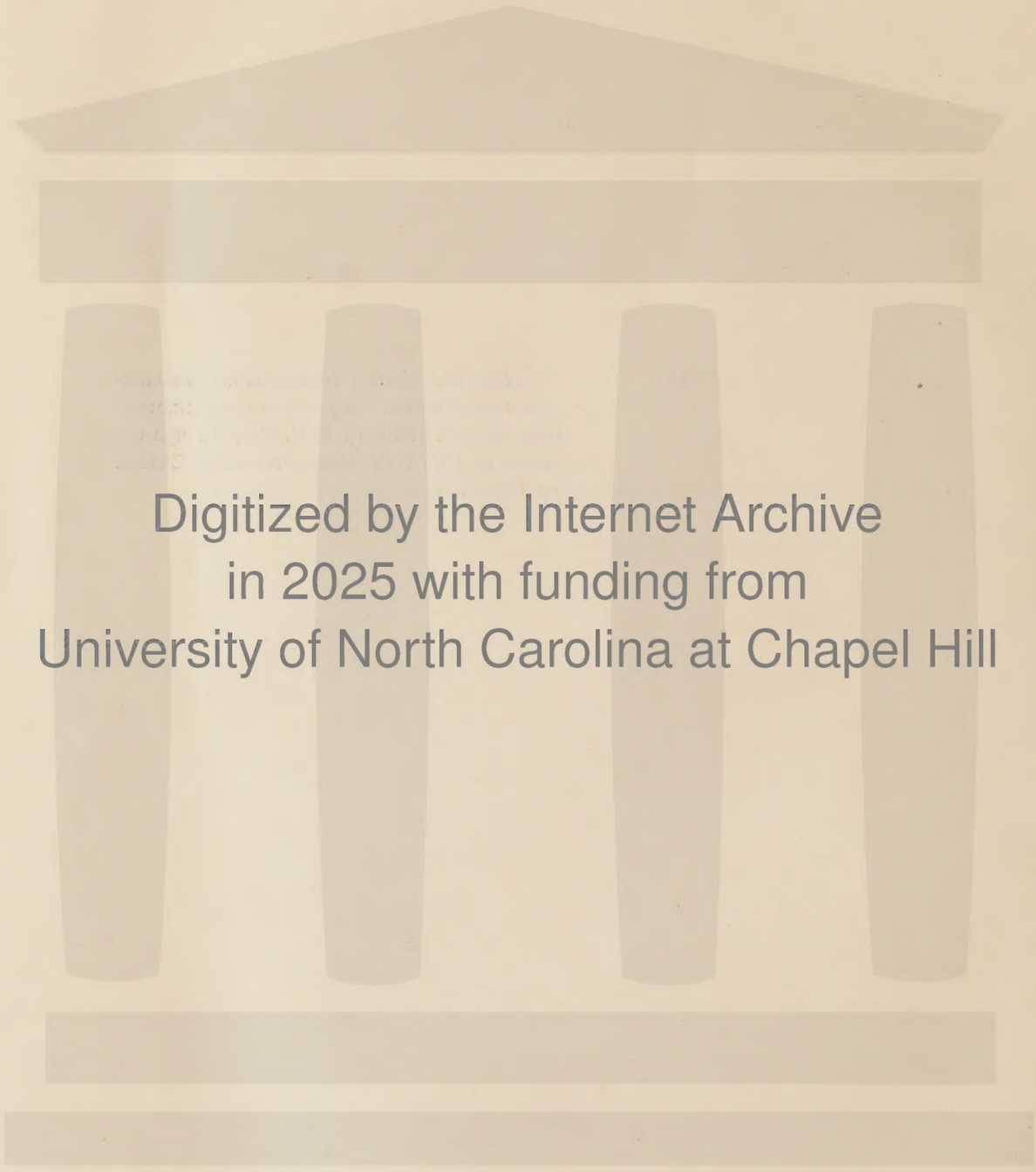
МОСКВА—1911

Печатано по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель Графиня Уварова.

Типографія О-ва распр. полезн. кн. Преемникъ В. И. Вороновъ. Моховая, д. кн. Гагарина.

„Вопросы общіе... составляютъ жизненную потребность для развитія археологической науки“. (Рѣчь гр. А. С. Уварова при открытіи въ 1877 г. IV Археологическаго Съѣзда въ Казани.)



Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/grafasuvarovkakt00arda

Графъ А. С. Уваровъ, какъ теоретикъ археологіи [1]).

Воспоминая сегодня графа А. С. Уварова, 25-лѣтіе со дня кончины котораго дало намъ не забыть, а только глубже сознать всю величину этой утраты для археологіи, мы достойно вспомнимъ наступающую послѣ завтра первую годовщину по смерти И. Е. Забѣлина, другого радѣтеля археологіи, сокрушавшагося о томъ, что *„при постоянныхъ частныхъ разработкахъ нашихъ древностей, у насъ еще такъ мало говорили объ общемъ,* и стремившагося, по мѣрѣ своихъ силъ, восполнить этотъ существенный для науки пробѣлъ. [2])

Вышеприведенныя слова, конечно, не относились и не относятся къ гр. А. С. Уварову. Покойный графъ-археологъ ничуть не принадлежалъ къ числу людей, которые „никогда не думаютъ надъ тѣмъ, что творятъ“,—wer nie bedacht, was er vollbringt.

„Общее“... Да, наука можетъ пользоваться только такими частными

---

[1]) Благодаря любезности предсѣдателя Археологическаго Общества, графини П. С. Уваровой, авторъ имѣлъ возможность воспользоваться, для своей рѣчи, корректурными листами изготовлявшагося ею къ юбилейному дню монументальнаго *„Сборника* мелкихъ трудовъ и статей по теоретическимъ вопросамъ“ графа А. С. Уварова, вмѣстѣ съ „Матеріалами для біографіи“.

Въ III-мъ томѣ этого „Сборника“, кромѣ перепечатаннаго доклада графа на третьемъ Археологическомъ Съѣздѣ 1874 г. подъ заглавіемъ *„Что должна обнимать программа для преподаванія Русской Археологіи и въ какомъ систематическомъ порядкѣ должна быть распредѣлена эта программа?“*, впервые опубликованы чрезвычайно цѣнныя *„Лекціи“* графа, читанныя въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ въ 1879 году, и особая статья его *„Русская Археологія“*.

Авторъ имѣлъ случай сослаться также на статью графа (1869 г.) во II-мъ томѣ *„Сборника“* подъ заглавіемъ *„Международный Съѣздъ въ Копенгагенѣ“* и на протоколы засѣданій третьяго Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ, напечатанные въ *„Трудахъ“* этого Съѣзда.

[2]) Автора „Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, какъ теоретикъ археологіи (отъ археологіи до исторіософіи)“. 1—148 с. М. 1909. И въ „Древностяхъ“ И. М. А. О., т. XXII, вып. 2.

наблюденіями, которыя находятся въ связи съ какими-либо общими положеніями. „Достоинъ сожалѣнія взглядъ,—говоритъ историкъ философіи въ связи съ культурой и наукою Виндельбандъ,—будто науку можно сгресть изъ отдѣльныхъ фактовъ, какъ соръ, сметаемый въ кучу метлой".

Графъ А. С. Уваровъ тоже отмѣчалъ, что „русская археологія не сложилась еще въ стройную науку, не имѣетъ строгой научной формы", и стремился вывести „молодую науку" изъ такого положенія. Непрерывно занятый „частною разработкой нашихъ древностей", онъ въ то же время не упускалъ изъ виду и „общаго". Онъ находилъ, что *„вопросы общіе... составляютъ жизненную потребность развитія археологической науки"*; что безъ нихъ, все равно, нельзя обойтись; что всегда съ ними приходится имѣть дѣло. И здѣсь, поэтому, какъ въ зрѣлыхъ наукахъ, подобно, напримѣръ, филологіи, археологу надлежитъ дѣлать одно изъ двухъ: или „примѣнять общія правила" своей науки къ оцѣнкѣ археологическихъ предметовъ, или, наоборотъ,—изъ разслѣдуемыхъ предметовъ „извлекать общія правила и понятія, общія для всей науки". Въ противномъ случаѣ, положеніе археологіи оставалось бы всегда такимъ, какимъ оно было ранѣе.

„Всѣ почти изслѣдованія по русскимъ древностямъ ограничивались доселѣ или описаніемъ отдѣльныхъ памятниковъ или составленіемъ отдѣльныхъ монографій по нѣкоторымъ отраслямъ русской археологіи. При такомъ спеціальномъ направленіи, каждый изслѣдователь придерживался своего метода и проводилъ свое личное воззрѣніе на памятникъ, описывая его, какъ совершенно отдѣльную единицу въ наукѣ, не соображаясь при этомъ или даже не имѣя причины соображать, какое положеніе занимаетъ этомъ отдѣльный памятникъ въ связи съ общимъ строемъ русской археологіи. Понятно, что, при такихъ спеціальныхъ трудахъ, не могли выработаться никакія *общія воззрѣнія* ни на систему, ни на объемъ русской археологической науки, хотя въ отдѣльныхъ этихъ изслѣдованіяхъ много намѣчено уже изъ того, что должно служить впослѣдствіи для окончательнаго объясненія настоящей задачи отечественной археологіи... Но пока у насъ не подводились еще итоги такимъ *общимъ понятіямъ о самой наукѣ*".

Вступая на этотъ новый еще у насъ путь, графъ Алексѣй Сергѣевичъ предварительно обращаетъ свой взглядъ на современное ему положеніе археологической науки на Западѣ, которое не вполнѣ удовлетворяетъ его.

Не говоря уже о томъ, что „во всей Европѣ въ прошломъ столѣтіи понятіе объ археологическомъ памятникѣ не было еще вполнѣ разъяснено", даже въ трудахъ до своего времени онъ тамъ не всегда находитъ „точное разграниченіе того, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ археологія". Затѣмъ, онъ обозрѣваетъ „развитіе понятія о русской археологіи", начиная открытіемъ въ 1726 г. Академіи Наукъ съ историческимъ отдѣломъ, въ трудахъ котораго, благодаря Байеру, появляются первыя „изслѣдованія чисто-археологическаго содержанія", при чемъ приходитъ къ заключенію, что у насъ „не было самостоятельнаго опредѣленія этой науки", да и не могло выработаться ника-

кое самостоятельное понятіе какъ о задачѣ, такъ и объ объемѣ этой науки", такъ какъ у насъ „слишкомъ мало доселѣ занимались археологіею", въ смыслѣ „общей археологіи".

Что такое археологія, какъ наука? Какой у нея предметъ? Въ чемъ задача этой науки? Каковъ у нея методъ? Какъ широкъ ея объемъ? Какое она имѣетъ отношеніе къ исторіи? Вотъ тѣ общіе теоретическіе, въ нѣкоторомъ родѣ философскіе, вопросы, которые ставитъ себѣ графъ Уваровъ.

Здѣсь прежде всего графъ ищетъ „*точнаго разграниченія понятій*". „Странное явленіе,—восклицаетъ онъ, отмѣчая стремленіе на Западѣ отнести къ области археологіи только памятники искусства и дать остальной смѣси памятниковъ названіе „древностей",—странное явленіе, что одинъ и тотъ же народъ имѣлъ подъ двумя различными названіями отдѣльныя отрасли одной и той-же науки; напримѣръ, для древняго міра появились сочиненія о греческихъ древностяхъ и о греческой археологіи, о римскихъ древностяхъ и римской археологіи"!

„Употребленіе въ наукѣ неточнаго выраженія необходимо влечетъ за собою и другія не научныя выраженія", — продолжаетъ онъ. „Отъ неяснаго пониманія какъ объема, такъ и задачи этой науки возникли такія предубѣжденія", которыя съ трудомъ „приходится опровергать".

Это—предубѣжденіе въ большой публикѣ, среди которой „археологическія знанія" считаются какими-то спеціальными предметами, или не доступными или, скорѣе, не любопытными для лицъ, не посвятившихъ себя исключительно изученію этой науки". Это—предубѣжденіе, въ которомъ можно упрекнуть и „ученый міръ" за его „несправедливость къ различнымъ источникамъ археологической науки", такъ какъ, сравнительно съ памятниками письменными (въ самомъ тѣсномъ ихъ значеніи, т.-е. съ рукописями), памятники вещественные далеко не такъ основательно изслѣдованы". Въ этомъ отношеніи „многимъ казалось даже страннымъ ставить на одну и ту же степень важности рукописные остатки старины съ вещественными, не отдавая себѣ отчета, что огромное количество пробѣловъ въ нашихъ лѣтописяхъ пополняется или разъясняется единственно только свидѣтельствомъ вещественныхъ памятниковъ". Историки даже „не хотѣли (и доселѣ иные, прибавимъ отъ себя, не хотятъ) признать тѣ выводы, которые доставляются изслѣдованіями кургановъ, пещеръ или другихъ вещественныхъ источниковъ археологіи".

Что же такое археологія? Какъ именно опредѣляетъ графъ Уваровъ „понятіе объ археологической наукѣ"? Какимъ образомъ раскрываетъ онъ и формулируетъ „общія основныя понятія объ объемѣ и задачахъ археологической науки"? „Объемъ самой науки, — говоритъ онъ, — тѣсно связанъ съ яснымъ пониманіемъ задачи". „Для достиженія того и другого необходимо сперва уяснить себѣ настоящее значеніе археологическихъ памятниковъ", т.-е. прямого предмета археологіи. Въ связи съ этимъ, конечно, стоитъ и методъ археологической науки. Такимъ образомъ „ясность задачи и объема археологіи вполнѣ зависитъ отъ того, какъ стали смотрѣть на эти памятники".

Итакъ, уясненіе дѣла начинается съ вопроса, что такое археологическій *памятникъ?* Какое „понятіе археологическаго памятника“ устанавливается графомъ?

Въ глазахъ науки памятникъ есть свидѣтель прошедшей жизни. „Произведенія художественной дѣятельности народа, зданія и другіе памятники, — говоритъ графъ Уваровъ,—... суть *лучшіе свидѣтели* его нравственной жизни и умственнаго развитія“.

Никакія изслѣдованія прошлаго „немыслимы безъ *свидѣтельства* памятниковъ“ того или иного рода. Каждый археологическій памятникъ—свидѣтель, поэтому, „хранитъ“ въ себѣ тайну отдаленныхъ вѣковъ. То, что онъ хранитъ въ себѣ, это, при извѣстныхъ условіяхъ, онъ можетъ и „открыть“. Тогда вмѣстѣ съ тѣмъ археологическій памятникъ „дѣлается и *источникомъ*“ для изученія, возстановленія прошлой жизни. Здѣсь „самый важный вопросъ состоитъ въ опредѣленіи тѣхъ памятниковъ, которые можно считать источниками для археологіи. Всѣ ли памятники, безъ исключенія, могутъ считаться источниками для археологіи? И не требуется ли отъ этихъ памятниковъ *извѣстныхъ условій*, при содѣйствіи которыхъ памятники дѣйствительно получаютъ значеніе научныхъ источниковъ?“

„Не каждый остатокъ древняго быта имѣетъ научное значеніе для археологіи, а только тотъ остатокъ для нея важенъ, который дѣйствительно способствуетъ къ достиженію извѣстнаго научнаго вывода. Такимъ образомъ, древній желѣзный гвоздь, найденный гдѣ-нибудь нечаянно, не можетъ привести ни къ какому научному результату; между тѣмъ какъ тотъ же самый гвоздь, если онъ найденъ въ древней могилѣ, несомнѣнно указываетъ на эпоху желѣзнаго вѣка, къ которой должна быть отнесена открытая могила, и вслѣдствіе такого результата желѣзный гвоздь дѣлается памятникомъ археологическимъ.—Отвалившійся кусокъ штукатурки съ слѣдами живописи не имѣетъ самъ по себѣ никакого научнаго значенія, если мы не знаемъ, на какомъ мѣстѣ онъ найденъ и на какой глубинѣ. Но когда такой кусокъ стѣнописи открывается, напримѣръ, въ развалинахъ Десятинной церкви и на глубинѣ древняго помоста этой церкви, то изъ этой находки положительно можно заключить, что внутреннія стѣны древняго храма украшены были стѣнописью, и что найденный кусокъ принадлежалъ къ этой стѣнописи“.

„Если извѣстныя условія такъ важны для выясненія научнаго значенія вещественнаго предмета, какъ памятника археологическаго, то для памятниковъ собственно письменныхъ и устныхъ эти условія еще болѣе необходимы. Такъ, письменные памятники часто передаютъ въ спискахъ позднѣйшихъ свѣдѣнія о такой старинѣ древняго быта, отъ которой не сохранилось ни единаго свидѣтельства въ современныхъ рукописяхъ. Тогда всякія точныя свѣдѣнія, указывающія на имя писателя, на время, когда написана была первоначальная рукопись, на мѣсто, гдѣ она была написана, служитъ драгоцѣнными данными для освѣщенія полнаго научнаго значенія этого письменнаго памятника“.

„То же самое можетъ быть сказано и о памятникахъ устныхъ.

Въ нихъ только потребность такихъ положительныхъ свѣдѣній еще ощутительнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ археологическомъ памятникѣ. Устные памятники, какъ преданія или воспоминанія, запечатлѣвшіяся въ памяти народа, сами по себѣ такъ подвержены измѣненіямъ, толкованіямъ или даже искаженію, черпаютъ свое научное значеніе единственно только изъ полной извѣстности ихъ происхожденія. Безъ знанія времени, мѣста и причины происхожденія устныхъ памятниковъ, они утрачиваютъ для археологіи всякое значеніе. Вообще, для всѣхъ остатковъ древняго быта, какого бы рода они ни были, необходимы извѣстныя условія, при которыхъ только они могутъ считаться настоящими археологическими памятниками".

„Отсюда видно, что археологическимъ памятникомъ слѣдуетъ признать только тотъ остатокъ вещественный, только то письменное извѣстіе или устное свѣдѣніе, которыя поясняютъ намъ культурное состояніе древняго быта какого-либо народа въ извѣстную эпоху". „Отсюда слѣдуетъ, что большее или меньшее значеніе каждаго остатка древности зависитъ вполнѣ отъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій, которыя можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

а) знаніе, на какомъ *мѣстѣ* найденъ былъ или сдѣланъ былъ этотъ памятникъ;

б) при какихъ обстоятельствахъ и въ какой *обстановкѣ* найденъ былъ этотъ памятникъ;

в) къ какому *времени* онъ принадлежитъ, и, наконецъ, — формулируемъ на основаніи собственныхъ словъ графа, —

г) каково ихъ *происхожденіе*, т.-е. къ какому „писателю" или „народу" они относятся.

„При достовѣрной извѣстности этихъ четырехъ главныхъ условій, самый, повидимому, незначительный остатокъ старины можетъ служить намъ важнымъ источникомъ для археологіи. Кусокъ дерева или кусокъ камня, при такихъ условіяхъ, неоспоримо доказываетъ намъ существованіе деревяннаго или каменнаго зданія на извѣстномъ мѣстѣ, можетъ пояснить время, въ которое были воздвигнуты эти зданія и даже отчасти можетъ указывать на художественную сторону такихъ построекъ въ данную эпоху. Между тѣмъ, при полной неизвѣстности этихъ трехъ-четырехъ условій, кусокъ дерева или кусокъ камня лишаются всякаго научнаго значенія и остаются только простыми кусками дерева или камня".

„Наконецъ, точное знаніе этихъ же четырехъ условій доставляетъ намъ убѣжденіе въ неоспоримой *подлинности* изучаемаго памятника, составляющее самое драгоцѣнное свѣдѣніе для развитія всякой науки".

Все это,—мы знаемъ изъ дипломатики, — отличительныя, существенныя свойства документальныхъ памятниковъ, сама *природа* документа. И въ археологіи—то же самое. „Вещественные памятники,—говоритъ графъ Уваровъ, — достигаютъ прямого значенія историческихъ *документовъ*". „Они не только замѣняютъ всякія лѣтописи, но даже представляются намъ какъ бы обломками внезапно застывшей жизни далекаго древняго міра". Съ этими четырьмя свѣтящимися точками,

какъ съ волшебной лампой Аладина, археологическій памятникъ выводится изъ какой угодно тьмы вѣковъ и, безмолвный дотолѣ свидѣтель, онъ заговоритъ краснорѣчиво въ опытныхъ рукахъ ученаго изыскателя.

„Если вникнуть поглубже въ изученіе вещественныхъ памятниковъ, то будемъ поражены, какую наглядную и осязательную лѣтопись они раскрываютъ передъ нами! Надо только умѣть прочесть ее и ею пользоваться. Если за примѣромъ мы обратимся къ мѣстностямъ, лежащимъ на берегахъ Чернаго моря, то увидимъ цѣлое царство и богатыя поселенія, какъ бы забытыя всѣми древними писателями. Такъ они мало и такъ рѣдко вспоминаются ими. Не по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Страбономъ, Діодоромъ или Поліэномъ, возможно было разъяснить исторію Босфорскаго царства и возсоздать забытыя имена царей и происшествія, а только съ помощью монетъ, надписей и другихъ вещественныхъ памятниковъ, открытыхъ въ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ, возможно было возстановить и объяснить исторію и даже внутреннее состояніе этого царства“.

Попутно съ разрѣшеніемъ вопроса объ археологическомъ памятникѣ въ его существѣ, какъ объ историческомъ источникѣ, мы видѣли, что графомъ Уваровымъ разрѣшается и другой вопросъ—относительно *объема* археологіи.

Какого именно рода памятники-источники составляютъ достояніе археологіи вообще и русской въ частности? „*Всѣ остатки* нашей древней жизни“, потому что всѣ они могутъ служить „источниками для русской археологіи“ и „для русской исторіи“.

Что касается *классификаціи* памятниковъ, то графъ Уваровъ даетъ слѣдующее перечисленіе ихъ.

„Всѣ остатки нашей древней жизни, не смотря на то, какому они народу принадлежали, какъ источники русской археолгіи, должны, по моему мнѣнію, быть раздѣлены на три главные разряда:

„I. Памятники *вещественные* (искусственные?), или вещественные остатки быта, ремеслъ и искусствъ древнихъ обитателей Россіи“.

„II. Памятники письма и языка (филологическіе, *письменные?*), или свидѣтельства писаныя, также и предметы, украшенные надписями или письменами.

„III. Памятники *устные*, или преданія о дѣяніяхъ, происшествіяхъ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ, сохранившіяся въ памяти народа задолго прежде, чѣмъ были внесены въ писаныя лѣтописи или сборники“.

По этимъ тремъ группамъ графъ Уваровъ распредѣляетъ всѣ различные роды и виды памятниковъ. Соотвѣтственно тому онъ строитъ и *систему* археологическихъ наукъ. Но въ эти подробности мы не имѣемъ времени входить сейчасъ.

„Послѣ пониманія объема русской археологіи въ такомъ обширномъ смыслѣ, ясно, что и археологія *) вообще не можетъ уже быть умалена до того пониманія, которое было въ ходу еще въ началѣ нашего столѣтія“ – говоритъ графъ Уваровъ. „Нельзя ужъ больше огра-

ничивать археологію *) одною исторіею художествъ или однимъ изученіемъ вещественныхъ источниковъ". И „археографія", напримѣръ, стоитъ не внѣ археологіи: она есть только „часть археологіи". Такова „обширность предѣловъ, до которыхъ наука въ наши дни раздвигаетъ *границы* археологіи".

Такимъ образомъ, графъ Уваровъ приходитъ къ заключенію, что „*предметъ археологической науки*" составляютъ „*всѣ памятники, какого бы ни было рода, оставшіеся отъ древней жизни народовъ*", всякія „*древности*", какъ онѣ иногда называются. Въ частности—„остатки и памятники, напримѣръ, древнѣйшей эпохи составляютъ предметъ особой отрасли археологіи", получившей названіе „доисторической, или первобытной археологіи" и т. д.

Въ зависимости отъ установленнаго, такимъ образомъ, предмета археологіи, во всемъ его объемѣ, опредѣляется и *задача* этой науки.

Если предметъ этой науки—археологическій памятникъ вообще, какъ историческій источникъ, то, очевидно, задача ея—„прочесть" и „объяснить" памятникъ, „раскрыть" его содержаніе, извлечь изъ него заключающееся въ немъ историческое свидѣтельство. Археологія, — говоритъ графъ Уваровъ, — „должна сперва указать на значеніе этого памятника въ тѣ времена, къ которымъ онъ принадлежитъ; потомъ опредѣлить, насколько этотъ памятникъ, самъ по себѣ, разъясняетъ древній бытъ своего времени или насколько онъ пополняетъ свѣдѣнія недостаточно ясныя или недостаточно точныя, дошедшія до насъ посредствомъ другихъ памятниковъ той же эпохи". Такимъ путемъ археологія, изучая памятники, „раскрываетъ намъ картину древняго быта, въ мельчайшихъ его подробностяхъ, въ его вѣрованіяхъ, обычаяхъ и въ памятникахъ". „Главной нашей *цѣлью*,—говоритъ онъ, какъ русскій археологъ, — является „изученіе памятниковъ древности нашего отечественнаго быта". Наше знаніе о памятникахъ должно быть полное. Но не будемъ касаться здѣсь этой технической стороны дѣла, какъ ни великолѣпно и полно очерчена она у графа.

На основаніи всего сказаннаго какъ же формулируется опредѣленіе археологіи, по ея предмету и соотвѣтственно ея задачѣ? „Археологія, какъ видно изъ самаго производства этого слова (ἀρχαῖος и λόγος), — говоритъ графъ Уваровъ, — означаетъ *науку о древностяхъ*". Археологія въ точномъ смыслѣ слова есть „наука, которая занимается *изслѣдованіемъ вещественныхъ памятниковъ*", какъ „документовъ о древнемъ бытѣ". Переводя это на современный языкъ науки, мы можемъ сказать такъ. Археологія есть *историческое источниковѣдѣніе*. Это—общее источниковѣдѣніе, обнимающее собою источниковѣдѣнія вещественное, письменное и устное, со всѣми ихъ внутренними подраздѣленіями.

Но графъ Уваровъ не останавливается на этомъ. Успѣхи археологіи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. вещественной археологіи, въ его время были слишкомъ велики. Открывающіяся въ памятникахъ

*) Въ текстѣ стоитъ собственно „задача археологіи", „задачу археологіи", но никакой задачи здѣсь не указывается, а смыслъ относится къ предмету археологіи. О задачѣ археологіи см. ниже.

извлеченныхъ изъ нѣдръ земли, картины древнѣйшей жизни, считавшейся дотолѣ за предѣлами человѣческаго знанія, слишкомъ ярки.

„На нашихъ глазахъ,—говоритъ графъ,—совершенно измѣнилось знаніе исторіи Востока. На основаніи однихъ вещественныхъ памятниковъ раскрылись, для исторіи Ассиріи и Египта, новыя происшествія, объяснились новыя царствованія, и опредѣлились новыя династіи, не говоря уже о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя мы узнали о вѣрованіяхъ и внутреннемъ бытѣ этихъ народовъ",—свѣдѣніяхъ, относящихся „ко временамъ миѳическимъ".

Собственныя открытія графа на русской почвѣ были такъ замѣчательны, его личныя переживанія такъ завлекательны. Вотъ, напримѣръ, грандіозныя раскопки въ Ростово-Суздальскомъ краѣ. „Нѣмыя могилы,—свидѣтельствуетъ современникъ графа Л. И. Майковъ,—заговорили, и предъ нимъ раскрылась въ замѣчательной полнотѣ жизнь Мери, одного изъ финскихъ народцевъ, обитавшихъ нѣкогда въ средней Россіи, о которомъ мы до сихъ поръ ничего не знали изъ письменныхъ памятниковъ, кромѣ его имени". Въ результатѣ „всесторонней и законченной разработки собраннаго такимъ образомъ матеріала" —появилась книга *„Меряне и ихъ бытъ"* — „классическая работа гр. Уварова".

Вотъ „одно изъ замѣчательнѣйшихъ открытій на русской почвѣ: въ с. Карачаровѣ, Владимірской губ., онъ нашелъ остовъ мамонта вмѣстѣ съ грубыми каменными орудіями и, такимъ образомъ, представилъ яркое доказательство обитаемости центральной Россіи въ палеолитическую эпоху". Это—открытіе, которое повлекло за собою „общее изученіе памятниковъ каменнаго вѣка въ Россіи. И результатъ этого изученія,— продолжаетъ Майковъ,— уже предъ нами въ двухъ томахъ, заключающихъ въ себѣ не только описаніе находокъ каменныхъ орудій на русской почвѣ, но и *полную картину жизни древнѣйшихъ обитателей Россіи*".

Да, соглашается графъ Уваровъ. „Времена, которыя теперь объясняются доисторической археологіею, относятся къ такой глубокой древности, что она не можетъ теперь быть исчислена ни годами, ни даже столѣтіями. Единственными лѣтописями такой старины являются издѣлія человѣка и памятники, которые онъ сооружалъ. По нимъ *археологія читаетъ и объясняетъ судьбы человѣчества* въ эти отдаленныя времена"; она, начиная съ каменнаго періода, вмѣстѣ съ первыми слѣдами человѣка, *излагаетъ „состояніе его на первой степени культурнаго развитія"*. И далѣе, вмѣстѣ съ разнообразными находками, этими „новыми доказательствами культурнаго развитія первобытнаго человѣка", *слѣдитъ „нить этого постепеннаго развитія"*, даетъ „полную картину всего быта минувшихъ временъ". Что касается русской археологіи, то „мы можемъ,—говоритъ графъ,—опредѣлить русскую археологію, какъ науку, занимающуюся *изслѣдованіемъ древняго русскаго быта* по памятникамъ, оставшимся отъ народовъ, изъ которыхъ сперва сложилась Русь, а потомъ русское государство. Итакъ, вообще археологія есть *„наука, изучающая древній бытъ народовъ по всѣмъ па-*

мятникамъ, какого бы ни было рода, оставшимся отъ древней жизни каждаго народа".

Такимъ образомъ, центръ тяжести съ мертвыхъ памятниковъ, какъ средствъ для изученія древняго быта, переносится на самый бытъ, т.-е. жизнь народа, о которой свидѣтельствуютъ памятники. Археологія изъ „науки о древностяхъ" превращается въ *„науку о древности"*. Одинъ предметъ ея подмѣняется другимъ. „Ея дѣятельность обращена на изученіе древняго быта по всѣмъ памятникамъ, оставшимся отъ древней жизни каждаго народа, какого бы рода они ни были". „Археологія, со своими разнообразными отдѣлами представляется *всеобъемлющею наукою, охватывающею цѣлый бытъ народа*".

Здѣсь уже археологія, — говоритъ графъ Уваровъ по поводу международныхъ археологическихъ съѣздовъ,—*восходитъ „до поясненія общихъ законовъ природы, которые постепенно раскрываютъ намъ первоначальную исторію человѣчества*". Это—съ одной стороны. Съ другой стороны, „не смотря на давно прошедшія времена, *она*, все-таки, *объясняетъ намъ начало и причину того, что насъ доселѣ окружаетъ*".

При такомъ взглядѣ выходило, что археологія утрачивала вспомогательную роль по отношенію къ исторіи. „Теперь можно, я полагаю, сознаться,—говорилъ графъ Уваровъ,—что (такая) наука не можетъ считаться наукою второстепеннаго значенія или только вспомогательною наукою". *„Исторія, равно какъ и археологія, онѣ обѣ суть отрасли одной и той же общей науки,—бытописанія народовъ*". Здѣсь археологія до такой степени сближается съ исторіею, что графъ Уваровъ находитъ возможнымъ говорить объ „источникахъ археологіи", подобно тому, какъ говорится объ „источникахъ исторіи".

Гдѣ же тогда различіе между археологіею и исторіею, оправдывающее ихъ самостоятельное, отдѣльное существованіе?

По его, графа, заключенію, „не предметъ ихъ изслѣдованій составляетъ существенное между ними различіе, а самый способъ или *методъ*, употребляемый при этихъ изслѣдованіяхъ". „Археологическій методъ изслѣдованія обращаетъ вниманіе не столько на вещественные памятники по преимуществу, сколько отыскиваетъ во всякомъ источникѣ, какъ письменномъ, такъ и устномъ, ту детальную его сторону, которая раскрываетъ намъ подробности, хотя и мелкія, но иногда такія важныя, что онѣ кажутся какъ бы еще живыми остатками древняго быта". Между тѣмъ, какъ по историческому методу, или „съ исторической точки (зрѣнія) разбираются историческія событія" — въ тѣхъ же самыхъ памятникахъ. Въ этомъ отношеніи „обѣ науки себя взаимно пополняютъ", и археологія и исторія являются *родными сестрами"*, какъ ихъ величаетъ графъ Уваровъ. Русскую археологическую науку онъ находитъ возможнымъ разсматривать „какъ *необходимую вѣтвь отечественной исторіи"*.

Такимъ образомъ, провозглашенный графомъ А. С. Уваровымъ „археологическій методъ" не есть какой-либо логическій пріемъ изслѣдованія, а просто особое, въ то время, полстолѣтія назадъ, дѣйствительно новое направленіе историческаго изслѣдованія, обращенное въ

сторону „общественнаго и внутренняго быта народа“, или культуры, на что ранѣе исторія не обращала вниманія, довольствуясь изложеніемъ однихъ политическихъ фактовъ, или внѣшнихъ событій (histoire bataille Монтеня).

Графъ Уваровъ вводитъ еще нѣкоторое размежеваніе, вѣрнѣе, механическое раздѣленіе, между собственно исторіей и археологіей, именно въ хронологическомъ направленіи. Принимая условно установленное на археологическихъ съѣздахъ опредѣленіе конца древней русской археологіи XVII вѣкомъ, въ частности 1700-мъ годомъ, какъ рубежемъ для петровскихъ преобразованій, онъ выводитъ начало археологіи за предѣлы исторіи къ первобытнымъ временамъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ и принимаетъ ограниченіе исторіи такъ называемымъ историческимъ періодомъ. „Возникшую предъ нашими глазами новую отрасль археологіи,—говоритъ онъ,—обозначали названіемъ доисторической, указывая этимъ названіемъ, что эти новые выводы, пріобрѣтенные археологіею, ничего не имѣютъ общаго съ исторіею, хотя и пополняютъ ее несмѣтнымъ числомъ столѣтій“. Съ своей стороны, онъ находитъ, что „выводы, полученные путемъ археологическаго анализа, и выводы, полученные путемъ историческаго изслѣдованія, имѣютъ много общаго, хотя и остаются на разнородныхъ почвахъ. Первые изъ нихъ, какъ бы воочію возстановляя бытъ прошедшій, иногда не встрѣчаютъ никакого разъясненія въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Они остаются тогда совершенно новыми, иногда неожиданными выводами и не могутъ быть даже включены въ исторію“. „Однимъ словомъ, археологія начинаетъ существовать за такими предѣлами, за которые исторія не простирается. И вообще всѣ эти свѣдѣнія, выработанныя доисторическою археологіей, или добытыя археологическими изслѣдованіями въ могилахъ, курганахъ, насыпяхъ, городищахъ и проч., не могутъ быть разрѣшены историческимъ путемъ, а потому остаются *неотъемлемою собственностью одной археологіи*“.

Такимъ образомъ, археологія у графа Уварова не только возвышается до исторіи, но въ нѣкоторомъ отношеніи, именно по хронологическому объему, даже превосходитъ ее.

Положимъ, что въ общей экономіи человѣческихъ дѣлъ „излишество, — если вѣрить Вольтеру, — въ высшей степени необходимая вещь“. Оно необходимо имѣло мѣсто и въ дѣлѣ археологіи, въ извѣстную пору ея развитія, что и неудивительно для этой „молодой науки“. Но, можетъ быть, мы вправѣ поставить теперь вопросъ. Не достаточно ли необъятенъ, неисчерпаемъ, безконечно разнообразенъ, необычайно сложенъ прямой предметъ археологіи—памятники, какъ историческіе источники,—чтобы извлеченные изъ нихъ, въ свою очередь безчисленные и сложнѣйшіе, факты человѣческаго бытія нашей археологіи, какъ наукѣ источниковѣдѣнія, надлежало сложить къ ногамъ исторіи, какъ науки жизневѣдѣнія?

Во всякомъ случаѣ, послѣ графа А. С. Уварова и его современника И. Е. Забѣлина, никто, кажется, не выступалъ у насъ печатно съ такими широкими и глубокими размышленіями, которыя бы обни-

мали и проникали собою всю область археологіи съ исторіей въ придачу. Но за истекшее время усиліями многочисленныхъ дѣятелей археологіи накоплены новые матеріалы и опыты, дѣлались и частичныя попытки для разрѣшенія общихъ отвлеченныхъ вопросовъ. Поэтому, теперь снова является потребность подняться на степень теоретическаго, философскаго пониманія археологіи въ обширномъ смыслѣ слова, въ связи ея съ исторіей.

Наука, вѣдь, говоря словами Владимира Соловьева, есть „объективно-достовѣрное и систематическое знаніе о дѣйствительныхъ явленіяхъ...“ „Оба эти условія ставятъ науку въ неизбѣжную связь съ философіей, какъ такой областью, въ которой, во-первыхъ, окончательно провѣряются понятія и принципы, безотчетно предполагаемые различными науками, во-вторыхъ, сводятся къ всеобъемлющему единству всѣ частныя обобщенія этихъ наукъ...“

Этой степени пониманія достигли уже такія обширныя группы знаній, какъ исторія—*въ философіи исторіи* и наука права—въ *общей теоріи права*. „Нѣтъ настоящей науки безъ философіи, нѣтъ права въ наиболѣе высокомъ смыслѣ слова безъ философіи права“ — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ теоретиковъ въ области права Луи Бридель.

Тамъ считается, что, безъ твердаго отчетливаго знанія основныхъ положеній, безъ обстоятельнаго знакомства съ вопросами, общими всѣмъ юридическимъ наукамъ, безъ яснаго представленія всей системы юридическихъ наукъ, безъ методологическихъ свѣдѣній,—невозможно плодотворное изученіе спеціальныхъ наукъ. Если общіе вопросы права рѣшать для своего домашняго обихода каждому представителю спеціальной юридической науки, то это бы послужило въ ущербъ громадному спеціальному матеріалу, ожидающему отъ него разработки. Отъ этого должна избавить ихъ общая теорія, или философія права.

Она беретъ на себя, во-первыхъ, изслѣдованіе вопросовъ, общихъ всѣмъ юридическимъ наукамъ, во-вторыхъ, изслѣдованіе основныхъ задачъ, или проблемъ, права, въ-третьихъ, построеніе всей системы права въ видѣ одного логическаго организма и, въ-четвертыхъ, наконецъ, изученіе тѣхъ методовъ и пріемовъ, при помощи которыхъ разрабатываются юридическія науки.

Она, съ одной стороны, подвергаетъ критическому разсмотрѣнію и обобщенію матеріалъ, доставляемый спеціальными юридическими науками; съ другой стороны, даетъ руководящія указанія представителямъ спеціальныхъ юридическихъ наукъ; служитъ маякомъ, освѣщающимъ нути спеціалистамъ, не дозволяя превратиться имъ въ людей, изъ-за деревьевъ не видящихъ лѣса. Въ такой постановкѣ наука общей теоріи права служитъ и *введеніемъ* въ изученіе права, показывая величіе этой области знанія, пробуждая интересъ къ ея вопросамъ, и—*завершеніемъ* всѣхъ юридическихъ наукъ, являясь могучимъ факторомъ дальнѣйшаго развитія права.

Что сказать намъ теперь объ археологіи, этой обширнѣйшей области человѣческаго знанія, безпредѣльной, можно сказать, въ своемъ объемѣ, гигантскими шагами уходящей въ глубь вѣковъ прошедшихъ

и вѣчно бѣгущей въ даль вѣковъ грядущихъ,—области, въ то же время ближайшей нашему сознанію и потому важнѣйшей, безъ которой не существовало бы науки исторіи вообще и права въ частности?

Что иное, какъ не пожелать горячо, чтобы создана была, наконецъ, и въ сферѣ нашихъ спеціальныхъ интересовъ, начала созидаться *общая теорія археологіи?*

И если исполнилось уже завѣтное желаніе графа Уварова поднять археологію на высоту профессорской каѳедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то нынѣ настоитъ нужда *въ созданіи новой каѳедры* для этой области научнаго знанія, каѳедры общей теоріи археологіи, которая была бы наилучшей данью памяти графа и, какъ особая каѳедра, явилась бы въ наше время первою въ Европѣ.

Н. Н. Ардашевъ.—Регламентъ Вотчинной коллегіи въ проектахъ 1723, 1732 и 1740 гг. Текстъ ихъ съ предисловіями и примѣчаніями, также общимъ введеніемъ и заключеніемъ. 8°. 1—218. Москва. 1890. Ц. 1 р. 25 к. (Оттискъ изъ 1-й книги *Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.*)

Н. Н. Ардашевъ.—Древнѣйшій (расходный) столбецъ Помѣстнаго приказа о заготовкѣ приправочныхъ книгъ для писцовъ 7135 г. Съ приложеніемъ 100 современныхъ автографовъ. 8°. 1—32. I—XVI табл. фототипій. Москва. 1908. Ц. 1 р. (Оттискъ изъ V тома *Записокъ Московскаго Археологическаго Института.* Продолженіе см. X томъ *Записокъ.*)

Н. Н. Ардашевъ.—Татарскія земляныя письма XV в. и спорное дѣло XVIII в. о ясашныхъ земляхъ. 4°. 1—20. Фототипическая таблица «знаменъ», съ 1437 г. Чертежъ 1737 г., въ краскахъ, въ натуральную величину. Москва. 1908. Ц. 1 р. (Оттискъ изъ IV тома *Записокъ Московскаго Археологическаго Института.*)

А. А. Голомбіевскій и Н. Н. Ардашевъ.—Приказныя, земскія, таможенныя, губныя, судовыя избы Московскаго государства. Обзоръ документовъ XVI—XVII вв. въ дѣлахъ XVIII в., переданныхъ въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи изъ упраздненныхъ въ 1864 г. учрежденій. Выпускъ 1-й. 4°. 1—86. Москва. 1908. Ц. 2 р. (Оттискъ изъ IV тома *Записокъ Московскаго Археологическаго Института.*)

Н. Н. Ардашевъ.—Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, какъ теоретикъ археологіи. (Отъ археологіи до исторіософіи.) 4°. 1—148. Фототипическій портретъ И. Е. Забѣлина. Москва. 1909. Ц. 2 р. 50 к. (Оттискъ изъ XXII т. *Трудовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.*)

А. А. Соколова и А. К. фонъ-Меккъ. Подъ редакціей Н. Н. Ардашева.—Расходные книги и столпы Помѣстнаго приказа (1626—1659 гг.) Книга 1. 8°. I—VIII. I—384. I—VIII табл. фототипій, изъ коихъ одна съ киноварью. Москва. 1910. Ц. 4 р. 50 к. (Составляетъ X т. *Записокъ Московскаго Археологическаго Института.* Начало см. V томъ *Записокъ.*)

ОБРАЩАТЬСЯ

Въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи (Бол. Царицинская ул.), на имя автора или въ Московскій Археологическій Институтъ (Староконюшен. пер., д. Медвѣдниковской гимназ.) на имя библіотекаря.

Цѣна 50 коп.